

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

К ИСТОРИИ «ПАРАНДЖИ»

Чачван и паранджа — одежда рабства, символ вековой закрепощенности узбекской женщины, окутанной с ног до головы серой, бесформенной накидкой, с лицом, прикрытым безобразной черной волосистой сеткой.

Изучение эволюции самаркандского костюма привело этнографа О. А. Сухареву к выводу о сравнительно позднем происхождении паранджи, будто бы выделившейся в специфическую форму выходной уличной одежды не ранее XVI в., когда паранджа (искажение от «фараджи») представляла собой мужской халат, формы которого были переработаны для женского костюма значительно позднее¹.

Автор ограничивает рассмотрение вопроса этнографическим материалом XIX—XX вв., оставляя для историка-ориенталиста возможность использования данных письменных источников к исследованию генезиса и эволюции этой типичной в дореволюционном быту среднеазиатских женщин одежды. Но наряду с такой работой представления о сложении и развитии среднеазиатского костюма могут быть пополнены на основании привлечения памятников миниатюрной живописи, изобразительный материал, которых едва ли не красноречивее, чем не всегда уточненная восточная терминология, может объяснить различные этапы трансформации моды и покроя. В настоящей заметке некоторые звенья к выяснению процесса эволюции паранджи и чачвана восполнены именно на основании миниатюр.

Термин «фараджи» (искаженный русскими в «паранджу») в персидских словарях европейских авторов переводится очень общо: «простейшее платье, без талии, надеваемое поверх всех других» (A. de Biberstein-Kazimirski), «сорт платья» (у И. Ягелло). В специальном словаре арабских наименований частей одежды, составленном Р. Дози, в котором слову «фараджийя» посвящено семь страниц, термин этот, отмечаемый в письменных источниках еще в IX в., объяснен как длинная, до пят верхняя одежда из цветного сукна, шелка, льна, с широкими длинными рукавами, нередко украшенная шитьем и драгоценностями. Возникновение ее автор связывает с Египтом, откуда фараджи, согласно ибн-Батуте (XIV в.), распространяется в далекие страны. Автор отмечает, что в Константинополе тюрок-османов (XVI—XVII вв.) фараджи носили также и женщины, чего не было в ту пору ни в Египте, ни в Магрибе². Фараджи персидской и среднеазиатской он не упоминает совсем.

Между тем этот термин нередко фигурирует в среднеазиатских сочинениях XV—XVI вв. В «Рашахате» (XVI в.) сообщается факт о торжественном приеме, оказанном Ходжа-Ахраром своему сыну, когда шейх появился одетый в «дастур ва фараджи» — большую чалму и парандый халат. В. Л. Вяткин на основании ряда исторических сочинений указывает, что городскую одежду ученых при Шейбанидах составлял халат-фараджи. В индийском костюме первых представителей династии Великих Моголов (Бабур, Хумайюн), являвшем в это время провинциальное повторение поздневетимундских мод, верхнее одеяние ученых, высших государственных чиновников и духовенства составлял халат-фараджи³. Вместе с тем, в мемуарах Восыфи термин «фараджи» употребляется как в отношении мужской, так и женской одежды⁴. Все эти указания, которые безусловно могут быть значительно умножены знатоком восточных источников, не содержат, однако, конкретных данных о характере покроя фараджи, об его изменениях на протяжении столетий, наконец, — об его отношении к верхнему женскому платью.

Рассмотрению вопроса на конкретных памятниках изобразительного искусства мы

¹ О. А. Сухарева, К истории костюма населения Самарканда, «Бюллетень АН УзССР», 1945, № 11—12, стр. 38—41.

² R. P. Dozy, Dictionnaire détaillé des noms des vêtements chez les Arabes, Amsterdam, 1845, стр. 327—334.

³ H. Goetz, Kostum und Mode an den Indischen Fürstenhöfen in der Grossmogolzeit, «Jahrbuch der Asiatischen Kunst», 1924, стр. 74, табл. 47.

⁴ А. Н. Болдырев, Алишер Навои в рассказах современников, Сборн. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 149.; его же, Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв., Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, IV, Л., 1947, стр. 356, 357.

должны предпослать три общих исходных положения, доказательству которых посвящена другая наша работа:

1) общность покроя одежд в Средней Азии и в Хорасане при Тимуридах (XV в.); некоторые различия в покрое одежды в государствах Шейбанидов и Сефевидов (XVI в.);

2) отсутствие резко выраженной разницы в типе аристократической мужской и женской одежды для этих эпох (покрой халатов, сорта тканей, распределение вышивок, украшений и пр.);

3) при известной консервативности костюма — наличие определенной эволюции его на протяжении XV—XVI вв. в рамках четырех этапов (примерно по полувековию на каждый).

В XIV в., как показывают миниатюры, был разработан тип мужской одежды — «джома»: длинного платья, скреплявшегося обычно на завязках сбоку, под правой подмышкой, с короткими (но иногда длинными) рукавами, нередко вышитого на груди и плечах. Оно надевалось поверх рубахи и штанов, но чаще — поверх другого длинного платья «певшаз» такой же формы, но с длинными рукавами и с застежкой посередине. Женское «джома» было почти аналогично и отличалось лишь разрезом посередине, причем нередко оно оставлялось незастегнутым, приоткрывая иного цвет ткани нижнего платья. При первых Тимуридах эта мода остается без изменения.

К концу XIV в. был разработан в мужском и женском костюме тип особенно яркого плаща, или шубы, подбитой светлым мехом, накидывавшейся на плечи, так что очень длинные, почти до середины икр, рукава свободно ниспадали. Мы отмечаем такую одежду на миниатюрах хранящегося в Британском музее манускрипта Ходжа Кермана, иллюстрированного знаменитым мастером Джунейдом Султани в 1396 г. на миниатюрах Ширазской школы из «Антологии» 1410 г. (коллекция Гульбенкиши) и «Антологии» 1420 г. (Берлин, Государственный музей)⁵. В начале XV в. эта мода существовала и в Герате, как показывают миниатюры так называемой гератской школы: «Хамсэ» Низами (Государственный Эрмитаж), писанная в 1430/31 г.⁶ «Мирадж-Намэ» 1436 г., «Шах-Намэ» 1440 г.⁷, и др.

По существу это уже и есть вполне разработанный тип и покроем «фараджи», употребление которой мы отмечаем как у мужчин, так и у женщин. Между тем в женской среднеазиатской одежде «фараджи» имела свой древний прототип. Богатая накидка с опускающимися длинными рукавами, наброшенная на плечи поверх платья, является обычной принадлежностью терракотовых фигурок, найденных на древних городищах Самарканда и его окрестностей⁸. Эти фигурки — изображения богини Анахит, покровительницы вод и плодородия сил природы. Согласно Авесте, древнейшие част которой сложились на территории Средней Азии, Анахит изображалась в образе молодой, богато одетой девушки. Несомненно, что костюм ее отражал местный покроем и тип одежды, — и в этом смысле терракотовые фигурки Анахит содержат драгоценные указания на существование богатой верхней женской накидки, которая в феодальную эпоху трансформируется, видоизменяясь в соответствии с новыми вкусами, и все же сохраняет свою древнюю местную основу.

В середине XV в., как показывают миниатюры «Шах-Намэ» Института востоковедения АН СССР (инв. № В-822), в мужском и женском костюме широко распространены верхний плащ-халат с чрезвычайно длинными рукавами, надеваемый то в рукава то внакидку. Он сохраняется вплоть до конца XV — начала XVI в., о чем свидетельствуют миниатюры «Хамсэ» Низами 1479/80 г. (Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, инв. № 337) и другой «Хамсэ» 1502/3 г. (инв. № 339). Судя по данным мемуаров Восифи, фараджи одевались по преимуществу именно внакидку: «...он был одет в парчевую каба, на плечи косо набросан фараджи»⁹.

В Иране к 20—30-м годам XVI в. фараджи претерпевает известную эволюцию. Е длинные рукава примерно под локтями прорезываются наискось, так что отсюда они свободно падают вниз. Подобный покроем отмечаем в костюмах на миниатюрах Низам 1525 г. (Метрополитен-музей)¹⁰, в одеянии пророка на миниатюрах «Истории нечестных имамов» (Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, инв. № 312), частично выполненных, как это было недавно установлено М. М. Дьяконовым, знаменитым художником Касем-Али в правление шаха Тахмаспа (1524—1570). Привозна форма такой «фараджи» широко входит в употребление при индийском дворе в Хумайюна (1526—1586)¹¹. В сефевидской миниатюре она встречается в XVI в. ка

⁵ «A. Survey of Persian Art» (цит. дальше SPA), V, London — New York, 1938.

⁶ Там же, табл. 860, 861A, 864B.

⁷ См. М. М. Дьяконов, Рукопись «Хамсэ» Низами 1431 г. и ее значение для истории миниатюрной живописи на Востоке, Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа III, Л., 1940, стр. 276—286.

⁸ SPA, т. V, табл. 877, 875.

⁹ C. Trever, Terracottas from Afrasiab, М.—Л., 1934, табл. VII, рис. 9 табл. XIII, рис. 186.

¹⁰ А. Н. Болдырев, Указ. раб., стр. 149.

¹¹ SPA, т. V, табл. 893A.

¹² H. Goetz, Указ. раб., стр. 74, табл. 47.

Рис. 1. Мужская фараджа: 1—из „Хамсэ“ Низами 1430/31 г., Гос. Эрмитаж; 2, 3—из „Шах-Намэ“ середины XV в., Ин-т востоковедения АН СССР, рук. № С-822; 4—Навои, 1528 г., Гос. публ. библиотека им. Салтыкова-Щедрина, рукоп. фонд. тур. № 57

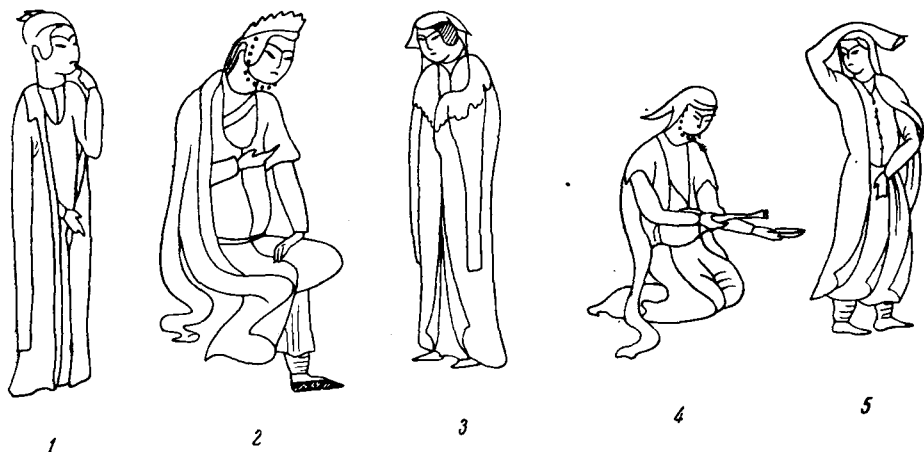

Рис. 2. Женская фараджа: 1—из „Ми'радж-намэ“, Герат, 1436 г. Британский музей; 2—„Хамсэ“ Низами 1430/31., Гос. Эрмитаж; 3—Низами 1479/80 г., Гос. публ. библиотека им. Салтыкова-Щедрина, каталог Дорна, № 337; 4—Низами 1562/63 г., Самаркандский музей; 5—„Шах-Намэ“, Самарканд или Хива, 1556 г., Ин-т востоковедения АН Уз. ССР

Рис. 3. Женские покрывала: 1—„Шах-Намэ“, середина XV в., Ин-т востоковедения, № С-822; 2—Низами 1502/3 г., Гос. публ. библиотека им. Салтыкова-Щедрина, каталог Дорна, № 339; 3—Низами 1481/82 г., там же, № 338

в мужской, так и в женской одежде (ср., например, «Шах-Намэ» 1546 г. Парижской Национальной библиотеки¹³ или «Хамсэ» 1562/63 г. Самаркандского музея¹⁴).

Что касается Средней Азии, то здесь отмечается в мужском и женском костюме употребление традиционной фараджи — с длинными, но не разрезанными рукавами, иногда надеваемой внакидку. Примеры могут быть почерпнуты из миниатюр «Шах-Намэ» 1556/57 г. (Институт востоковедения АН УзССР, инв. № 1811), выполненные самаркандским художником Мухамед-Мурадом для хивинского правителя Иш-Мухамед-султана. Встречается она на среднеазиатских миниатюрах и позднее — еще в XVII в.

Таким образом, «паранджа» среднеазиатских женщин имеет древний, идущий в глубину веков прототип «фараджи» — парадного женского верхнего плаща, надевавшегося по преимуществу внакидку. Последнее обстоятельство привело уже в XVI в. к постепенной трансформации длинных неудобных рукавов в чисто декоративную деталь. С XVIII в., в эпоху позднего феодализма, со времени ношения фараджи на голове, они окончательно утратили свою практическую функцию и выродились в длинные полосы, сшитые, впрочем, как настоящие рукава и скрепленные концами на спине.

Консервативный характер позднего среднеазиатского феодализма сказывается самым жестоким образом на положении женщины. Фараджи к этому времени превращается в одежду для улицы, стирающую все индивидуальное, скрывающую женщину от посторонних взглядов.

Эволюция чачвана (искаженное чашм-банд — повязка для глаз) первоначально идет вне связи с фараджи. Обычай покрывания лица, чрезвычайно широко распространенный на Востоке, отмечается в памятниках изобразительного искусства по крайней мере с XV в. Однако традиция эта более стара, восходя еще к монгольским обычаям. Напомним описание наряда монгольских женщин у В. Рубрука: «под глазами (они) подвязывают кусок белой материи; эти куски спускаются на грудь»¹⁵. Можно думать, что лица монгольских цариц изображались на миниатюрах XIV в. открытыми главным образом в силу желания художника создать групповой портрет (ср. Рашид-эд-дин «Летописи» 1311 г. Парижской Национальной библиотеки, Института востоковедения АН УзССР, инв. № 1620 и др.), для которого не считалось предосудительным персонализированное изображение знатных дам. Что касается различных героинь литературных произведений — Фирдоуси, Бидпай, Эмир Хосрова и других, то они в миниатюрах XIV в. изображены с открытыми лицами.

То же отмечаем и в миниатюрах первой половины XV в. А между тем в описании Клавихо праздничных одеяний цариц из гарема Тимура указывается, что лица их были завешены прозрачной белой тканью¹⁶. Очень интересные сведения сообщает о женщинах Тебриза, которые «ходят совсем закутанные в белые покрывала и с сетками из черных конских волос перед глазами; такими закутанными ходят они для того, чтобы их нельзя было узнать»¹⁷. Итак, волосная сетка «чашм-банд» существовала в западном Иране уже в самом начале XV в. (а следовательно, какой-то период ранее). Костюм с черным «чашм-банд», открывавшим только глаза, подобный описанному, мы можем отметить в миниатюрах «Шах-Наме» середины XV в. (Институт востоковедения, инв. № С-822), судя по стилю именно западноиранского художественного круга. Между тем в областях Афганистана и Средней Азии, видимо, преобладали белые тонкие вуали, как и в уборе самаркандских цариц. Во всяком случае в отчетах членов китайских миссий первой половины XV в. сообщается, что «женщины (правителя Самарканда) закрывают голову белой шелковой тканью и что герцогские женщины «закрывают свои головы белой тканью и оставляют только отверстие для глаз»¹⁸. Несомненно, китайцы не обошли бы вниманием такую деталь, как черная волосная «чашм-банд», если бы жителями Герата и Самарканда его употребляли. На некоторых миниатюрах второй половины XV — начала XVI в. у женщин действительно накинута на голову ниспадающая на плечи прозрачная вуаль (Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Низами 1481/82 г., инв. № 3 и 1502/53 г., инв. № 339). Видимо, она надевалась по преимуществу при выходе на улицу, почему в стихах Навои мы читаем: «О, если б этот стройный кипарис вышел из улицы, О, если бы она сбросила покров с украшающего мир лица...».

Исключительно интересный факт может быть извлечен из «Мемуаров» Бабура. О принцессе Ханд-заде Бегим он пишет следующее: «[Тогда] еще лицо [ее] было

¹³ A. Blochet, *Musulman Painting*, London, 1929, табл. CXXXIV—CXXXV.

¹⁴ Г. А. Пугаченкова, *Миниатюры «Хамсэ»* Низами 1562/63 г. Самаркандского музея, Тезисы научных докладов на сессии АН УзССР 9—14 июня 1947 г., Ташкент 1947, стр. 147—148.

¹⁵ В. де-Рубрук, *Путешествие в Восточные страны*, пер. А. И. Малеина, СПб 1911, стр. 78.

¹⁶ Руй Гонзалес де Клавихо, *Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.*, пер. И. И. Срезневского, СПб., 1881, стр. 293.

¹⁷ Там же, стр. 168.

¹⁸ M. D. Bretschneider, *Chinese Intercourse with the Countries of Central and Western Asia during the XV-th Century*, «The China Review», 1876, стр. 167.

закрывается. По тюркскому обычаю меня принудили к тому, [что] я ее лицо открыл»¹⁹. Повидимому, покрывание лица вуалью — обычай, принятый в тимуридскую эпоху именно в условиях утонченной городской культуры, отличных от менее строгих требований тюркского полукочевого быта. О. А. Сухарева видит в этом эпизоде один из моментов свадебного обряда.

Миниатюры показывают, что ни в XVI, ни в XVII вв. черная волосная сетка еще не вошла в среднеазиатский быт. Между тем в записках Ф. Ефремова (1784) уже засвидетельствовано покрывание женщинами Бухары своего лица сеткой, сплетенной из конских волос, и ношение фараджи, «женского халата, у коего с головы до пят рукава узкие, вместе сшитые и пущенные назад, длиною ниже икор»²⁰.

Характерно, что изготовлением волосных чачванов в XIX—XX вв. занимались, как это установлено О. А. Сухаревой, не узбекские или таджикские ремесленники, но странствующие цыгане-люли. В этом — наглядное указание на неместную, приносную традицию этого «производства».

Ношение чачвана и паранджи в XVIII в. несомненно связано с крупными социальными переменами, которые внес кризис XVIII в. Консервативная замкнутость быта, жестокая восточнофеодалная закрепощенность женщин приводят к созданию некоего нивелирующего индивидуальность костюма, который лишь внешним сходством форм покроя связан с традициями местной древней одежды. Так в период позднего среднеазиатского феодализма нарядный праздничный костюм, покрой и стиль которого вырабатывались еще в блистательную эпоху Улугбека и Навои, вырождается в свою противоположность. Яркий, набрасывавшийся на плечи парандный плащ-халат «фараджи» превращается в уныло-серую бесформенную накидку, окутывающую фигуру сполз с головы до ног, а легкую прозрачную, почти не скрывавшую черт лица вуаль сменяет уродливый, непроницаемо-черный чашм-банд²¹.

¹⁹ Бабур-Наме, Казань, стр. 24. Приводим уточненный перевод М. Е. Маслона: в переводе Pavet de Courteille эта фраза передана в диаметрально противоположном смысле покрывания лица ее «по тюркскому обычаю».

²⁰ Ф. Ефремов, Российского унтер-офицера, который ныне прапорщиком, девятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им в Санктпетербурге 1784 г., «Русская старина», т. 39, 1893, стр. 135—136.

²¹ Воспоминанием об этих светлых вуалях являются «старинные лицевые занавески» таджичек Дарваза, которые уже в XIX в. были сравнительно редкими и сохранялись в быту как древние семейные реликвии. Они были сделаны из белого шелка с ажурной вставкой из белого тканья и вышиты различными древними эмблематическими изображениями (фазан, стилизованное дерево и пр.) [см. А. А. Бобринский, Орнамент горных таджиков Дарваза (Горная Бухара), М, 1900, стр. 16—17, табл. I—VI—VIII]. Волосной чашм-банд вошел в Средней Азии в городской быт лишь около двух столетий назад.